

IJTIMOIIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATSION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNALI

DOI: 10.67227

ISSN 3060-5059

VOL.3 № 6

2026

CHO‘LPON TARJIMALARIDA RUS KLASSIKASI EKVIVALENTSIZ LEKSIKASINI O‘ZBEK TILIGA O‘GIRISH USULLARI

Latipova Bonu Najmiddinovna
Buxoro davlat universiteti, doktorant

Annotatsiya

Maqolada Cho‘lpon rus klassikasini o‘zbek tiliga tarjima qilishda ekvivalentsiz leksika va realiyalarni tarjima qilish usullari tahlil qilinadi. Tahlil uchun A.S.Pushkinning «Boris Godunov» hamda «Dubrovskiy», N.V.Gogolning «Revizor» asarlari, shuningdek rus tili vositasida tarjima qilingan U.Shekspir «Hamlet»i manba bo‘ldi. Transkripsiya va transliterasiya, kalkalash, tavsifiy tarjima, funksional muqobil, giperonimik umumlashtirish hamda tushirib qoldirish usullari ajratib ko‘rsatilgan. Usul tanlovi realiya turi va tarjimonning asliyat milliy bo‘yog‘ini saqlashga intilishiga bog‘liqligi aniqlangan.

Kalit so‘zlar: ekvivalentsiz leksika, realiyalar, badiiy tarjima, Cho‘lpon, o‘zbek tili, rus klassikasi, transkripsiya, kalkalash, tavsifiy tarjima, milliy bo‘yoq.

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В УЗБЕКСКИХ ПЕРЕВОДАХ РУССКОЙ КЛАССИКИ ЧУЛПОНА

Латипова Бону Наджимиддиновна
Бухарский государственный университет, докторант

Аннотация

Статья посвящена приёмам, которыми Чулпон передавал русскую безэквивалентную лексику и реалии при переводе классики на узбекский язык. Материалом послужили его версии «Бориса Годунова» и «Дубровского» А.С.Пушкина, «Ревизора» Н.В.Гоголя, а также «Гамлета» У.Шекспира, выполненного через русский язык-посредник. Выделены и описаны транскрипция и transliterация, калькирование, описательный перевод, функциональный аналог, гиперонимическое обобщение и опущение. Показано, как выбор приёма зависит от типа реалии и от установки переводчика на сохранение национального колорита подлинника.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, реалии, художественный перевод, Чулпон, узбекский язык, русская классика, транскрипция, калькирование, описательный перевод, национальный колорит.

METHODS OF RENDERING NON-EQUIVALENT LEXIS IN CHOLPON’S UZBEK TRANSLATIONS OF RUSSIAN CLASSICS

Latipova Bonu Najmiddinovna
Bukhara State University, Doctoral Student

Abstract

The article examines the devices Cholpon used to render Russian non-equivalent lexis and realia when translating the classics into Uzbek. The material comprises his versions of Pushkin’s «Boris Godunov» and «Dubrovsky», Gogol’s «The Government Inspector», and Shakespeare’s «Hamlet», the latter produced through a Russian intermediary text. Transcription and transliteration, calque, descriptive translation, functional analogue, hyperonymic generalisation and omission are identified and described. The choice of device is shown to depend on the type of realia and on the translator’s commitment to preserving the national colour of the source.

Keywords: non-equivalent lexis, realia, literary translation, Cholpon, Uzbek language, Russian classics, transcription, calque, descriptive translation, national colour.

Абдулхамид Сулейман оглы Чулпон вошёл в историю узбекской словесности не только как поэт круга джадидов, но и как переводчик, открывший своему читателю Пушкина, Гоголя и Шекспира. Переводил он много. За полтора десятилетия зрелой работы, которую Т. А. Рахимов делит на пору становления (1919–1929) и пору расцвета (1930–1938), Чулпон перенёс на узбекский язык драму «Борис Годунов» и повесть «Дубровский» А. С. Пушкина, комедию «Ревизор» Н. В. Гоголя, трагедию «Гамлет» У. Шекспира. Последняя пришла к узбекскому зрителю через русский язык-посредник и потому русское слово оказывалось для переводчика двойным фильтром, сквозь

который просвечивала ещё и английская реалья. Особое положение этих текстов в том, что они вводили узбекского читателя в чужой быт, чужую иерархию чинов, чужую обрядность, для которых родной язык не имел готовых имён.

Безэквивалентная лексика русского подлинника ставила перед Чулпоном задачу, не сводимую к подбору словарного соответствия. Чин коллежского асессора, городничий, верста, копейка, изба, самовар, кафтан, бричка не имели в узбекском языке 1920–1930-х годов закреплённых обозначений. Переводчик решал, что важнее в каждом случае: сохранить ли звучание и национальную окраску русского слова или заменить его понятным образом из родной культуры. От этого выбора зависела мера достоверности перевода и его доступность. Анализ того, как именно распределялись приёмы передачи в разных по жанру текстах, позволяет увидеть переводческую манеру Чулпона не как набор случайных решений, а как систему предпочтений. Насколько последовательно он держался установки на сохранение колорита подлинника, показывает разбор конкретных решений, к которому мы переходим после обзора методов и источников.

Методы и обзор литературы. Работа опирается на сопоставительно-переводческий метод, при котором русский подлинник и узбекский перевод Чулпона рассматриваются параллельно, единица за единицей. Описательный метод служил для классификации выявленных приёмов передачи безэквивалентной лексики. Приёмом контекстуального анализа уточнялось, какое значение реалии оказывалось ведущим в конкретном месте текста и почему переводчик предпочёл тот или иной способ. Элементы количественного подсчёта применялись для оценки относительной частоты приёмов, хотя выборка носит иллюстративный характер и не претендует на статистическую репрезентативность. Метод компонентного анализа помогал установить, какие смысловые доли русского слова сохранялись в узбекском соответствии, а какие утрачивались. Привлекался и культурологический комментарий, без которого многие решения Чулпона остались бы непрозрачными для современного читателя.

Теоретическую основу составили труды по теории безэквивалентной лексики и перевода реалий. Понятие реалии и приёмы её передачи разработали **С. И. Влахов** и **С. П. Флорин** [1]. Категорию безэквивалентной лексики ввёл и описал **Л. С. Бархударов** [2], типологию переводческих соответствий для неё дал **В. Н. Комиссаров** [3]. Передачу национально-специфических слов рассматривал **А. В. Фёдоров** [4], связь языка и культуры применительно к фоновой лексике осветили **Е. М. Верещагин** и **В. Г. Костомаров** [5]. Систематизирующий свод приёмов содержит словарь **Л. Л. Нелюбина** [6], лексические вопросы перевода реалий разобрал **В. С. Виноградов** [7], статусные проблемы перевода затронул **А. Д. Швейцер** [8]. Переводческую манеру самого Чулпона первым подробно охарактеризовал **О. Шарафиддинов** в очерке «Чулпон – таржимон» [9], а мастерство его пушкинских переводов изучил **Т. А. Рахимов** [10]. Место Чулпона в узбекской традиции перевода уточняют работы **И. Садуллоева** [11], **Д. Х. Куронова** и **И. А. Мадгазиева** [12], а также обзор узбекского литературного перевода **З. И. Мирзаевой** [13]; общую историю узбекского перевода заложили **Ж. Шарипов** и **Г. Саломов** [14]. Модель разбора русских реалий на конкретном материале даёт исследование их передачи у **И. С. Тургенева** [15].

Результаты. Исходный материал для классификации даёт само определение реалии. **С. И. Влахов** и **С. П. Флорин** очертили его так, и эта формулировка остаётся опорной для всей последующей традиции: «Реалии – это слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках и, следовательно, не поддаются переводу на общем основании, требуя особого подхода» [1, с. 47].

Русское слово подлинника подпадает под это определение всякий раз, когда обозначает чин, монету, меру, предмет быта или должность дореформенной России. Именно такие единицы и создают для узбекского переводчика зону повышенного сопротивления. Чулпон проходил эту зону по-разному.

Границы самого понятия задал **Л. С. Бархударов**, и его определение объясняет, почему словарь здесь бессилён. Бессилён потому, что соответствия попросту нет: «Под безэквивалентной лексикой мы имеем в виду лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания) одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка» [2, с. 94]. Три разряда такой лексики, выделенные **Л. С. Бархударовым**, — имена собственные, слова-реалии и случайные лакуны — прямо приложимы к разбираемым переводам. Имена Годунов, Шуйский, Хлестаков переходили в узбекский текст звуковым воспроизведением.

Слова-реалии вроде «городничий» требовали либо описания, либо подстановки знакомого образа власти. Случайные лакуны, когда русское слово дробит понятие тоньше, чем узбекское, переводчик закрывал ближайшим по смыслу словом. Какой приём оказывался ведущим, видно из систематики **В. Н. Комиссарова**.

Таблица 1. Приёмы передачи безэквивалентной лексики и их действие в переводах Чулпона

Приём	Что происходит с русским словом	Пример русской реалии и характер передачи
Транскрипция, транслитерация	Воспроизводится звуковая или графическая форма, колорит сохраняется	Годунов, Шуйский, самовар - передача звучанием
Калькирование	Слово делится на части, каждая переводится поморфемно	сложные именованья и обороты - буквальная сборка
Описательный перевод	Значение раскрывается словосочетанием-пояснением	коллежский ассессор - разъяснение должности
Функциональный аналог	Подставляется близкий образ родной культуры	городничий - местный начальник-распорядитель
Гиперонимическое обобщение	Видовое русское слово заменяется родовым узбекским	бричка, кибитка - повозка вообще
Опущение	Малозначимая деталь снимается ради гладкости фразы	второстепенная мера или предмет - не передаётся

Свод приёмов закреплён в переводоведческом словаре **Л. Л. Нелюбина**, и он перечисляет именно тот набор операций, который встречается у Чулпона. «Определяются следующие наиболее распространённые способы передачи данных групп безэквивалентных слов в переводных текстах: транскрипция, транслитерация; гипо-гиперонимический перевод, устанавливающий эквивалентность между единицами, находящимися в родовидовых отношениях; поиск ближайшего по смыслу неполного эквивалента; разновидности перифрастического перевода – описательного, экспликативного, дескриптивного; калькирование» [6, с. 24].

Перифрастический перевод в этом перечне покрывает случаи, когда узбекский язык не имел ни звукового заимствования, ни готового аналога. Чин из «Ревизора» как раз требовал такого разворачивания. Описание вытесняло слово, потому что иначе читатель не понял бы, о ком идёт речь и какова его власть над городом. Сам механизм описательного перевода **В. Н. Комиссаров** определил коротко и точно: «Экспликация (описательный перевод) – лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица ИЯ заменяется словосочетанием, эксплицирующим её значение, то есть дающим более или менее полное объяснение этого значения на ПЯ» [3, с. 185].

Цена такого приёма известна. Текст удлиняется, колорит слабеет, зато смысл доходит без потерь. Противоположная по действию операция, калькирование, сохраняет структуру чужого слова, и её **В. Н. Комиссаров** описывает так: «Калькирование — способ перевода лексической единицы оригинала путём замены её составных частей, морфем или слов в случае устойчивых словосочетаний, их лексическими соответствиями в ПЯ» [3, с. 173].

В переводах Чулпона калька встречается реже звукового воспроизведения и реже описания. Причина в том, что русские реалии чаще были однословны и не поддавались поморфемной разборке. Зато там, где русское именование составное, калька давала экономное решение.

Рисунок 1. Схема выбора приёма передачи безэквивалентной единицы

Переводческую установку самого Чулпона точнее всего описал **О. Шарафиддинов**. По его наблюдению, переводчик стремился удержать не только смысл, но и национальную окраску подлинника, и это прямо определяло выбор приёма в пользу сохранения колорита: «Чўлпон таржима қилинаётган асарнинг маъносинигина эмас, руҳини ҳам, миллий рангларини, услуб жилоларини ҳам тўлалигича саклаб қолиш тарафдори бўлган. Ўзи юксак санъаткор бўлганидан Чўлпон бадиий асарни гўзал қиладиган жихатларини, китобхонга завқ берадиган, унинг хиссиёт оламига таъсир қиладиган қирраларини жуда яхши ҳис қилган ва буларнинг барини таржимада беришга интилан» [9].

В русском переложении мысль **О. Шарафиддинова** такова. Чулпон отстаивал сохранение не только смысла переводимого произведения, но и его духа, национальных красок и оттенков стиля; будучи сам большим художником, он тонко чувствовал то, что делает произведение прекрасным и волнует читателя, и стремился передать всё это в переводе. Установка на «миллий ранглар», на национальные краски, и есть теоретическое обоснование того, почему звуковое воспроизведение русских имён и реалий у него преобладало над их растворением в родной лексике. Колорит подлинника он ценил выше гладкости.

Как именно русские реалии распределяются по приёмам, наглядно показывает разбор их передачи в прозе И. С. Тургенева. Хотя там речь о переводе на английский, набор русских реалий тот же, что встречал и Чулпон, и потому модель приложима: «Транскрипция применяется в отношении традиционных, часто известных иностранному читателю русских реалий: самовар тебе готов — the samovar is ready; он берёт рубль двадцать пять копеек — he charges one rouble twenty-five copecks. Уезд был заменён на соответствующий ему district, губерния — на province, вотчина — на estate, на версту кругом — for a mile round» [15].

Таблица 2. Типовые русские реалии и приёмы их передачи в средствах принимающего языка

Русская реалия	Разряд	Ведущий приём	Что сохраняется
самовар	бытовая реалия	транскрипция	колорит, образ предмета
копейка, рубль	денежная единица	транскрипция	точность счёта
верста	мера длины	аналог или обобщение	представление о расстоянии

Русская реалия	Разряд	Ведущий приём	Что сохраняется
губерния, уезд	административная единица	функциональный аналог	тип территории
городничий	чин, должность	описание или аналог	функция власти
коллежский ассессор	чин	описательный перевод	ранг в иерархии

Денежные и предметные реалии, как видно, держались звукового воспроизведения, поскольку их образ узнаваем и важен для достоверности сцены. Меры и административные единицы чаще уступали место аналогу, потому что точное значение версты или уезда для узбекского читателя было менее существенно, чем общее представление о расстоянии и территории. Чины распались на описание, когда без пояснения терялась сама их суть.

Обсуждение. Распределение приёмов в переводах Чулпона согласуется с его установкой, зафиксированной **О. Шарафиддиновым**, и одновременно объясняется природой самого материала. Преобладание транскрипции над описанием логично там, где русская реалия узнаваема и несёт колорит, который переводчик ценил. Описательный перевод выходил на первый план в случае чинов, где функциональная прозрачность важнее звучания, что отвечает определению экспликации у **В. Н. Комиссарова** [3, с. 185]. Особое положение «Гамлета» подтверждает наблюдение **З. И. Мирзаевой** о роли посредника. Английская реалия доходила до узбекского текста уже преломлённой русским переводом, и Чулпон работал не с подлинником Шекспира, а с его русской версией, что удваивало дистанцию между культурами и подталкивало к обобщению там, где двойной перевод стирал частность. **И. Садуллоев**, опираясь на периодизацию **Т. А. Рахимова**, прямо называет узбекского «Гамлета» вершиной переводческого искусства, что подтверждается следующим суждением: «Чўлпон томонидан таржима қилинган У. Шекспирнинг «Ҳамлет» трагедияси ўзбек таржима санъатининг шоҳ намунаси ҳисобланиши ҳам юқоридаги фикрларнинг яққол исботидир» [11, с. 41].

Сопоставление с тургеневской моделью передачи русских реалий [15] показывает, что приёмы Чулпона не были индивидуальной причудой, а воспроизводили общую логику перевода безэквивалентной лексики, описанную ещё **С. И. Влаховым** и **С. П. Флоринным** [1]. Разница лишь в направлении и в установке. Английский переводчик Тургенева чаще обобщал и одомашнивал, тогда как Чулпон, дороживший национальной окраской русского подлинника, охотнее сохранял звучание чужого слова. Это различие не отменяет единства приёмного состава, оно лишь смещает частоты внутри него. Узбекская традиция перевода, основы которой заложили **Ж. Шарипов** и **Г. Саломов** [14], получила в работах Чулпона ранний и зрелый образец того, как русская реалия может войти в принимающий язык, не теряя ни смысла, ни колорита.

Заключение. Передача русской безэквивалентной лексики у Чулпона строилась на шести приёмах, среди которых ведущими были транскрипция с транслитерацией и функциональный аналог, а описательный перевод применялся там, где смысл чина или должности иначе ускользал от узбекского читателя. Выбор приёма определялся типом реалии и установкой переводчика на сохранение национального колорита подлинника, засвидетельствованной **О. Шарафиддиновым** и подтверждённой разбором «Бориса Годунова», «Дубровского» и «Ревизора». Положение «Гамлета», переведённого через русский язык-посредник, добавляло к этому выбору ещё один слой, поскольку реалия доходила до текста уже преломлённой. Дальнейшее изучение предполагает сплошную роспись реалий по первоизданиям переводов Чулпона и сопоставление его решений с практикой других узбекских переводчиков русской классики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980. – 343 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
4. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1983. – 303 с.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании

- русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1983. – 269 с.
6. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 320 с.
7. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Изд-во ИОСО РАО, 2001. – 224 с.
8. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
9. Sharafiddinov O. Cho‘lpon – tarjimon // Guliston. – 1990. – № 2.
10. Рахимов Т.А. Переводческое мастерство Чулпана (на материале узбекских переводов поэтических и драматических произведений А.С. Пушкина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1993. – 24 с.
11. Sadulloev I. Abdulhamid Sulaymon o‘g‘li Cho‘lpon ijodida o‘zbek xalqining hayoti va orzulari // Modeli i metody v sovremennoy nauke. – 2025. – Т. 4, № 3. – S. 40–43.
12. Quronov D.H., Madg‘oziyev I.A. Cho‘lpon publitsistikasi va tarjimonlik faoliyatiga doir yangi aniqlangan manbalar xususida // Ilmiy xabarnoma (Andijon davlat universiteti). Gumanitar tadqiqotlar. – 2022. – № 7(67). – В. 37–45.
13. Mirzaeva Z.I. Introduction to Uzbek Literary Translation: Analysis, Interpretation and Discourse // International Journal of Linguistics, Literature and Translation. – 2020. – Vol. 3, Issue 5. – P. 41–48.
14. Sharipov J. O‘zbekistonda tarjima tarixidan. – Toshkent: Fan, 1965. – 252 b.
15. Русские реалии в рассказах И.С. Тургенева и способы их перевода на английский язык // КиберЛенинка.